

Казахстанский орнитологический бюллетень 2007

Казахстанский орнитологический бюллетень 2007. –
Алматы: «Tethys», 2008. - 324 с.

ISSN 1990 - 9373

В ежегодном издании Научного общества ТЕТИС представлены материалы по орнитологическим исследованиям 2007 г., проведенным в Казахстане. Также приведены данные по распространению и численности редких птиц, фаунистические находки и интересные данные по экологии птиц. Бюллетень рассчитан на широкий круг читателей, интересующихся птицами.

Составители:
О.В. Беялов и В.А. Ковшарь

Художник **Ф.Ф. Карпов**

Бюллетень издан при поддержке
Ассоциации сохранения биоразнообразия Казахстана
Королевского общества охраны птиц Великобритании
Союза охраны птиц Казахстана
Германского общества охраны природы:

© Tethys, 2008
© Беялов О.В., Ковшарь В.А.
(составители), 2008
© Карпов Ф.Ф. (рисунки), 2008

ISSN 1990 - 9373

О языке научных работ

- *Вы, говорят, вроде книги пишете?*
- *Да, пишу.*
- *Значит, соображение слов*
у вас должно быть обдуманное.

К. Паустовский.
Алмазный язык
(из повести «Золотая роза»)

Двадцать три года я занимаюсь трудом редактора. За это время мой редакторский «карандаш» оставил свои следы на страницах нескольких десятков книг и более 3000 статей. В итоге многолетней работы над чужими рукописями накопилось немало наблюдений над тем, как авторы пишут свои произведения, и возникли некоторые мысли по поводу того, что должен и чего не должен делать редактор при подготовке этих произведений к печати. Своими размышлениями мне и хочется здесь поделиться.

В наше время любая статья или книга – всегда плод коллективных усилий. Главная роль при этом, разумеется, принадлежит автору (или авторам), но большое значение имеет и вклад, вносимый рецензорами и редакторами. Редактор становится помощником автора на самом решающем этапе завершения рукописи, непосредственно предворяющем ее выход в свет.

Обязанности научного редактора весьма многообразны. Это легко установить, заглянув в типовой договор на редактирование, разработанный каким-нибудь издательством. Из договора видно, что редактор должен проверить рукопись с ... научной и литературной стороны; убедиться в целесообразности построения рукописи (разбивка ее на части, главы и т.д.); проверить цитаты, ссылки, терминологию, иллюстративный материал и надписи к нему; наконец, устранить длинноты, излишние повторения, а также рисунки, которые не необходимы для понимания текста. Короче говоря, редактор освобожден только от одной обязанности: написать данную статью или книгу!

В этом перечне бесспорна лишь необходимость проверки научного содержания рукописи, при условии, конечно, что редактор достаточно квалифицирован для такой работы...

Мой опыт показывает, что подавляющее большинство рукописей авторов... нуждается только в научной и литературной редакции, причем в литературной даже больше, чем в научной. Объясняется это тем, что к совершенствованию научного содержания работы автора подталкивают весьма внушительные стимулы: любая серьезная рецензия заставляет его крепко задуматься, если он хочет сохранить или повысить свой научный авторитет. *Для улучшения же стиля, языка работы таких побуждений, собственно говоря, нет.* Литературная помощь редактора в данном случае оказывает скорее отрицательное, чем положительное действие. Лишь немногие авторы,

сопоставляя свой текст с отредактированным, произведут вдумчивое сравнение и извлекут для себя уроки на будущее. Большинство же авторов очень скоро овладеет своеобразная беззаботность: незачем, мол, тратить время на литературную обработку – для этого существуют редактор!

Должен редактор заниматься литературной правкой или не должен? Я думаю, что должен, но только в самых необходимых случаях, а именно, если дело касается исправления ошибок, грамматически неправильных оборотов и неясностей смысла... Во-первых, не каждый редактор стилист; во-вторых, нет никакой нужды уничтожать индивидуальные особенности изложения автора. Пусть каждый автор пишет по-своему, лишь бы он правильно излагал то, что хочет сказать.

Есть авторы, умеющие сочетать в своих работах серьезное содержание с хорошей формой его изложения... Однако гораздо больше на свете «трудных» (для редактора) авторов. Казалось бы, если рукопись написана плохо, ее попросту следует вернуть на литературную переработку. Но возврат, не сопровождаемый указанием на то, какие имеются ошибки и как следует их исправить, не достигает цели. А если такие указания составлены, редактору проще выполнить их самому, чтобы рукопись не путешествовала лишней раз из издательства к автору и обратно. Кроме того, редакции журналов, связанные с довольно *постоянным* кругом авторов, достаточно хорошо знают, насколько способен тот или иной из них улучшить стилистически свое произведение. В практике... бывали случаи, когда статьи, очень ценные в научном отношении, оказывались написанными таким кошмарным языком, что редакция становилась в тупик. Надо было либо отказываться от печатания, с явным ущербом для интересов науки, либо поручать редактору практически заново, написать статью. Почти всегда принималось второе решение.

Один из наших авторов, доктор наук, неизменно пишет: *благодаря, последний* (вместо последние), *величена, составляет, располагаться*. Подобная орфография повторяется на десятках страниц, и в этом даже машинистку (на которую принято сваливать все грехи подобного рода) обвинять нельзя, так как автор сам печатает свои статьи на машинке. Однако такой случай, конечно, исключительный. Еще только дважды в жизни нам довелось увидеть нечто подобное, когда на страницах одной рукописи повстречался «заяц-рысак», а на страницах другой – *Васька* де-Гама. Обычно же литературные недостатки научных работ состоят в неудачном построении фраз. Приведем несколько примеров: «вода, устремляясь через камни, *образует* шум, характерный для водопадов»; «играет большое значение».; «в 1952 г. нам приходилось заниматься *испарением* на территории Западного Казахстана».; «молодой юноша» (разве бывают старые юноши?); «букинистические книги» (т.е. буквально «книжные книги»)»; «*подрисуточные надписи*»; «крупнорогатое скотоводство»; «большая половина» (хотя известно, что половины всегда равны)»; «в осенний период, особенно в сентябре, октябре, ноябре» (а в какой осенний месяц «не особенно»?)... и т.п.

Могут, конечно, сослаться на то, что промахи бывают и в изданиях, специально призванных оберегать чистоту языка, - в газетах и литературных произведениях. Разве не говорят «поднимем тост», хотя тост можно только провозгласить, а поднимать нужно бокал? Разве не пишут «нанести потери», тогда как потери обычно *несут*, а *наносят* ущерб (или поражение)? Разве не написал Б. Лавренев: «По этой ракете «Авроре» надлежало дать первый холостой залп из носовой шестидюймовки», - хотя всем известно, что залп – это одновременный выстрел из нескольких орудий?... Конечно, все это бывает, но это никому не может служить оправданием. И гораздо легче примириться с «залпом» из одного орудия, чем с такими, например, перлами из одной географической рукописи: «стада колхозников находятся в стадии формирования» и «в данном районе

сосредоточена одна треть свиноголовья рабочих и служащих!»! В результате непростительной небрежности обе фразы приобрели черты скверного анекдота...

Вот еще один обычный тип искажений: «сколько знаменитостей побывало и вышло из этого города»; «приступить и закончить теплофикацию района»; «в связи и под влиянием внешней среды». Здесь стремление сделать фразу короче делает ее неграмотной.

Надо решительно возражать против попыток произвольного и тяжелого словотворчества, засоряющего язык. Выражение «наихолодный месяц» (т.е. наиболее холодный), придуманное одним автором, выглядит как нелепое новшество. Другой географ для обозначения характерных степных черт в растительности изобрел слово «степистость»... Конечно, ни «наихолодный», ни «степистость»... не увидели света, потому что я как редактор не допустил этого.

Отлично сознавая, что язык научной статьи не может и не должен быть языком художественного произведения, мы вместе с тем должны горько посоветовать, что у многих научных работников выработался какой-то стандартный, научно-канцелярский слог, делающий все изложенное серым и убогим. Было бы неуместно говорить в научном сочинении примерно так: «он был настолько богат, что даже блохи на нем были позолоченные». Такой остроумной образности в научной работе не требуется. Но не следует и забывать богатейших возможностей, заложенных в языке для выражения мысли, а главное – нельзя пренебрегать *простотой* изложения. Зачем говорить «берега являются возвышенными», когда можно сказать «берега возвышенны»? Почему выражения «распространены» или «участвуют» хуже, чем «пользуются распространением» и «принимают участие»? А ведь у нас нередко пишут... «следствием этого явления является; некоторые из которых; горные породы имеют развитие; в пределах участка имеют место следующие формы рельефа; сложные котловины в пределах участка не находят себе места... Являются, представляют, имеют место – вот костыли, при помощи которых ковыляют в мир науки многие интересные труды многих ученых. Это ведь не русский язык, а какой-то построчный перевод с немецкого! И чем скорее мы от него избавимся, тем лучше. Тогда и не будет такого беспомощного лепета, какой довелось мне встретить в одном некрологе: «Все работы его прекрасно обоснованы. Глубина и тщательность были характерной особенностью покойного в его научно-исследовательской работе. Каждая его работа имела исчерпывающий список работ по затронутой теме».

Выше приведены примеры стилистических ошибок, явно требующих исправления. Но повторяю: если такой очевидной нужды нет, редактор не должен касаться литературной стороны изложения. Править следует только то, что неправильно. Все то, что верно и точно отражает мысли автора и вместе с тем понятно читателю, трогать нельзя, даже если какое-нибудь слово или предложение не нравится редактору...

Есть, впрочем, и редакторы, которые относятся к авторам с таким почтением, что не смеют прикоснуться даже к явным недостаткам в рукописи. Недавно в широко распространенном академическом журнале напечатали статью известного ученого, которая заканчивается так (приводим в сокращении): «Огромные толщи лесса... титаническая работа китайских тружеников-земледельцев.; безграничная помощь китайских спутников.; плодотворные и ценные для меня дискуссии по лессовой проблеме... – вот главные итоги моего путешествия». Тут, конечно, виноват и редактор, побоявшийся заметить, что *итогами путешествия* автора оказались и мощные толщи лесса и титанический труд китайских земледельцев!

Пренебрежение к языку привело к тому, что в научной литературе закрепился ряд неверных по смыслу специальных терминов... Никак не удастся искоренить... термин «среднегодовой» с его аналогами. Почти в любом сочинении по метеорологии,

климатологии и гидрологии читаем: среднемесячная температура, среднегодовое количество осадков... и т.п. Когда агрономы говорят о среднеранних или среднеспелых сортах картофеля или кукурузы, а геоморфологи – о среднегорном рельефе, прилагательные тут употребляются верно, потому что слово «средний» относится непосредственно к тем словам, с которыми оно слито: бывает средняя спелость, бывают средние (по высоте) горы. Но среднего года или среднего месяца не бывает. В выражении «среднемесячная температура» понятие «средний» относится к температуре, а не к месяцу. Поэтому нужно говорить средняя месячная температура, среднее годовое количество осадков...

К сожалению, в последнее время у нас начала широко прививаться уродливая форма ссылок на литературные источники, заимствованная из зарубежных книг и журналов, преимущественно американских. Ссылка нередко выглядит так: Г.А. Гурзаян. Астр. ж., 29, № 2, 121, 1952, - т.е. указаны автор и «местонахождение» статьи, но не указано ее название. Вместе с тем очевидно, что если читатель подбирает библиографию для интересующей его темы, то название статьи для него очень важно: по заглавию труда он зачастую сможет определить, стоит ли ему ознакомиться с ним или не стоит. А что можно извлечь из приведенной выше «формуль»? Ровно ничего. Подобный способ цитирования трудно назвать иначе, чем возмутительным...

Непрерывный долг каждого ученого – не только все более глубоко овладевать избранной отраслью знания, но и постоянно заботиться о повышении своей общей культуры. Первый и самый необходимый шаг в этом направлении – научиться просто, ясно и кратко выражать свои мысли. Через статью или книгу автор общается с тысячами людей, которые судят о нем на основании не только того, *что* он пишет, но и *как* он пишет. От последнего во многом зависит и продвижение всякой научной идеи. Если о ней сказано понятно, для ее шествия открываются прямые и широкие дороги сразу в самую гущу читательской массы, если коряво или заумно – она ползет по извилистым тропинкам и проникает лишь к узким специалистам*. Следовательно, автор должен быть *кровно* заинтересован и в полноценности содержания своего произведения и в наилучшей форме его изложения. Второй частью этой азбучной истины многие пренебрегают. Это и побудило меня написать настоящую заметку.

* Пусть ненароком не подумают, что я советую превращать научные работы в научно-популярные. Было бы весьма странно выдвигать такое требование. Но я твердо убежден, что самые серьезные труды без всякого ущерба для их высокого научного уровня можно писать проще, чем их нередко пишут. Образцов, в которых глубина мысли сочетается с простотой выражения, сколько угодно: достаточно обратиться к трудам К.А. Тимирязева, Ч. Дарвина, Л.С. Берга и многих других.

С.В. Калесник

профессор, доктор географических наук

перепечатано с сокращениями из сборника
«Проблемы физической географии: Избранные труды».
Л.: Наука, 1984. С. 104-110.

Phylloscopus humei